

Художественный отдѣль.

Выставка немалосильныхъ.

Цѣлымъ міръ, выдуманнѣй и созданный каими-то безумными и дикими богами.

Цѣлымъ міръ новыхъ, незнакомыхъ, невиданныхъ и сказочныхъ морей, небесъ, пѣтушковыхъ береговъ, лучезарныхъ людей, причудливыхъ зѣбрей...

Океаны красокъ, жгучихъ линий, бурныхъ и яростныхъ трепетаній, пламенныхъ пѣсенъ...

И все это окутано влюбленной, весенней душой.

Есть картины, наброски, нѣсколько нервныхъ штриховъ, въ которыхъ живетъ глубокое горячее дыханіе, ароматъ сѣнней жизни — кусочки, словно, того юнаго и красиваго бога, которому наиболее, талантливые и тонкіе души теперешнихъ художниковъ отдадутъ все свои силы.

Я не знаю болѣе пѣтушачаго, чудеснаго, душистаго сада, чѣмъ тотъ, который раскинулся на берегу Сены подъ видомъ длиннаго балагана затнутаго холстомъ и обитаго досками. Этотъ садъ — балаганъ пріютилъ какъ бы подъ тѣнью своей художниковъ всевозможныхъ исканій и толкованій искусства. Они апустили къ себѣ болышихъ и малыхъ, красивыхъ и уродливыхъ.

Но самымъ красивымъ художникомъ является Ванъ-Донгенъ. Онъ, словно, большой цѣтной камень, сіяющій ослѣпительнымъ свѣтомъ — пламенемъ.

Несъ міръ онъ по своему украшаетъ. Все получаетъ у него новый, пропитанный знаніемъ его души, красочный тонъ. Каждая краска его — это яркое и мучительное вино, каждый мазокъ — огненный поцѣлуй.

Трудно найти въ словахъ то, чѣмъ можно было бы передать величественную солнечную красоту его пѣтушчихъ красокъ.

Да, собственно говоря, его краски долго и не держатся въ мозгу, они перестаютъ быть красками, переходя въ нечто другое, что поконится въ глубинахъ души.

Художникъ влюбленъ въ пѣтушачья блѣдныя лица, залитыя изумрудно-багрянымъ свѣтомъ. Глаза его женскихъ лицъ опьянены тяжелымъ ядовитымъ хмельемъ и готовы выпалать и обуглиться. Одежды вырваны въ цѣтя рубины, темной бирозы и пламени. Пламя является его основнымъ тономъ. Вся его вещь — мозаика пламени. Ванъ-Донгенъ большой художникъ. Онъ свободно владѣетъ тайной перевоплощать міръ и заставляетъ вѣрять въ него.

Такимъ же болышимъ, простымъ и яснымъ является его учитель Матиссъ, представленный на выставкѣ нѣсколькими несерьезными и, въ созащитѣ, нецѣнными холстами! Лишенный тонъ огня, какими владѣетъ Ванъ-Донгенъ, Матиссъ разрабатываетъ живописность, частоту красочности и компоновки. Его краски здоровыя приятными, какъ жизнь заскаютъ душу и берутъ ее. Вокругъ него — его вѣрно и одаренные вкусомъ и чувствомъ ученики, неоступно и покорно слѣдующіе за учителемъ.

Обращаетъ на себя вниманіе болышая и пестрая группа снѣжковцевъ во главѣ съ самымъ Синьякомъ. Эта семья любитъ писать чистыми красками, не боясь пестроты и крикливости. Краски они превращаютъ въ фонтанъ брызжащихъ разноцѣтныхъ пятнышекъ.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ на выставкѣ недавно умершій притивиста Руссо. Здѣсь собрано все, что осталось послѣ его смерти. Этюды, композиціи, картины, эскизы. Вся работа свидѣтельствуетъ о сѣтливой, крохой, тихой душѣ, умѣвшей любовно и нѣжно сообщаться съ почти дѣтскими красками. Міръ Руссо — міръ ребенка, явущаго зѣбрѣй и колдовства въ гушѣ пугливыхъ вѣтвей, любящаго смѣряться въ синеву далекаго кѣба. Руссо — поразительное явленіе въ современной живописи, идущей совершенно другими путями — путями столь намуравившихъ гг. Гогэна, Сезанна и Матисса и ничего общаго неимѣющихъ съ такимъ рѣдкостнымъ страннымъ одинокимъ путемъ, по которому честно и озабочено пошелъ Руссо.

Делоней, Лереръ, Глейзе, Фоконье — обратившіе къ первоначальной, первобытной, архитектурной различнымъ способами чеканить и создавать пейзажи и людей. Ихъ композиціи напоминаютъ геометрическія гѣла, колонны яркихъ камней.

Делоней пишетъ отдѣльными пластинами, глыбами. Изъ такихъ причудливыхъ кусковъ красочной массы сотворить онъ міръ, только ему свойственный и понятный, полный несбыточнѣхъ и болышихъ сновъ. Чтобы смотреть такихъ художниковъ нужно любить все то, чему нѣтъ научили наши старые учителя. Только отказавшись отъ старыхъ истинъ и взглядовъ на художественную правду мы сможемъ проникнуть въ эти замкнутыя и столь своеобразныя души.

Красивъ Менуаръ. Это художникъ высшаго душевнаго склада. Въ немъ много свѣтлаго, подлиннаго аристократизма. Сильная, солнечная полотно у изычнина Пизалла. Интересенъ и индивидуальныи экстаичный Руэль.

Въ этой небольшой запискѣ я бы хотѣлъ заслуживающихъ очень болышого вниманія. Они, въ болышинствѣ случаевъ, примыкаютъ къ новымъ направленіямъ въ теперешней живописи, которая для нихъ своими красочными и чисто живописными цѣлями является богатѣйшей книгой, гдѣ они умѣютъ находить цѣлямъ сокровища. Наиболее талантливыми учениками новыхъ пророковъ въ живописи, являются русскіе. Въ нихъ есть та красивая и чуткая мѣра, которая говоритъ о душевной глубинѣ и аристократизмѣ. Правда, попадаются и совсѣмъ неаристократичные и даже убогіе гг. Шульманъ, Чеферянъ, Алтынанъ и др. похожіе на нихъ, но зато есть среди нихъ благородная, нѣжная Васильева, мистическая, религиозная, мозаичная Жеребцова, тонкая Мерсонъ, сильный, твердый и красочный Машковъ, интересный, шибтистый Барановъ, зирическій Матиссонъ и напѣженный, красивый Захъ.

Много именъ русскихъ и среди скульптуровъ. Ефимовъ, Цедкинъ — безусловно талантливые, интуице новыхъ формъ скульптора.

Трудно охватить въ этомъ грандиозномъ океанѣ полотнохъ всѣхъ молодыхъ, робкихъ художниковъ и скульпторовъ, затертыхъ среди кричащихъ, пестрыхъ картинъ, доходящихъ порою по своему афинскому виду до уличныхъ плакатовъ. Такая широкая разношерстность участниковъ, никакими общими задачами не сплоченныхъ, сильно и быстро утомляетъ мозгъ. Съ выставкой уходишь, словно пьянымъ. Но и безконечно благодаренъ учредителямъ наименее интереснаго салона. Ихъ свободный и смѣлый починъ заслуживаетъ горячаго спасибо.

И если въ залъ выставки проносятся художники ремесленнаго типа и грубо кричатъ о себѣ, если многие художники злоупотребляютъ чистотой и совѣстью вытолки, то развѣ померкнуть тѣ, которые украшаютъ выставку!

Развѣ сила и талантъ отъ этого въ картинахъ болѣе глубокихъ художниковъ не становятся болѣе очевидными и цѣнными?

А. Курганъ.